

Феодора Янници,
кандидат исторических наук, директор Греческого культурного центра

ГРЕЦИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В КОНЦЕ 18 – НАЧАЛЕ 19 вв. (по воспоминаниям офицеров русского флота, участников архипелагских и средиземноморской экспедиций)

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И ГРЕКОВ

Прекрасный климат, богатство произведений, выгодное положение для торговли и знаменитые происшествия Древней Греции всегда будут привлекать на острова Архипелага любопытных путешественников и обращать внимание политиков.

В.Б.Броневский,
офицер российского Флота

Во второй половине 18 века традиционные давние контакты между Россией и Грецией обретают новые очертания в связи с усилением военно-политической роли России в средиземноморском регионе. В результате русско-турецких войн 1768-1774 гг. и 1788-1792 гг. Россия приобрела значительные земли на юге, а ее флот прочно обосновался в Средиземноморье. Как отмечал греческий исследователь Никос Сворнос, вынашивая планы упразднения Османской империи и ее замены на так называемую «Балканскую империю» во главе с русским дворянином, российская дипломатия времен Екатерины II активно выступает под лозунгом восстановления «"исторических прав" эллинизма на территории бывшей Византийской империи».¹ При этом российские агенты постоянно вступали в контакт с лидерами греческих общин, духовенством и военным сословием с целью организации восстаний греков против турецких властителей.²

¹ Σβορώνος Ν.Γ. Επισκόπηση της νεοελληνικής ιστορίας. Αθήνα, 1994. Σ. 59.

² Ibidem.

Следует отметить, что в это время Греция еще не существует как отдельное независимое государство, поэтому под этим названием понимается прежде всего общность людей, в большинстве подданных Османской империи, объединенных единой верой и языком и преимущественно населявших территорию некогда могущественной Византийской империи. В связи с этим понятие «Греция», используемое в данной работе, гораздо шире, чем территориальные границы государства Греция, будь то после Греческой освободительной революции 1821 года или в наши дни.

Не секрет, что подавляющее большинство русских в этот период черпало свои представления о Греции в основном из школьных и университетских учебников классического образования. Широкораспространенным было и мнение об угнетенности православных греков-христиан жестокими и алчными турками, державшими братьев по вере в унижительном рабстве. Поэтому русские путешественники во многом открывали для себя новую Грецию, которая подчас значительно контрастировала с их изначальными представлениями.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяли то общее начало – православную веру, – которая неизбежно обуславливала изначальное благожелательное общее отношение русских и греков по отношению друг к другу. Эти черты греческого народа достаточно характерно отмечает в своих описаниях киевский монах Василий Барский, который в 1723–1747 гг. предпринимает путешествие по святым местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них прежде всего своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, местные церковные деятели помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу и греки даже

соперничали, кто из них первый пригласит русских странников к себе домой.³ Барский, однако, отмечает, что подобное отношение распространялось далеко не на всех, а лишь на представителей православной веры. Характерным примером может служить описанная им больница на острове Хиос, где бесплатно принимали, лечили и кормили людей, но исключительно православной веры.⁴ Характерно, что именно в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Труд Барского достаточно характерно описывает тот общий контекст, в котором имели место контакты между россиянами и греками. Однако конкретные исторические события накладывали также определенный отпечаток на восприятие русскими греков и наоборот. Это достаточно характерно проявилось во второй половине 18 - начале 19 веков, когда российские войска вели активные боевые действия против турок непосредственно в местах, где проживали и вели свою хозяйственную деятельность греки.

Хотя настрой большинства греков по отношению к русским был положительным, все же воспоминания русских путешественников содержат немало примеров неоднозначного отношения к русским со стороны греков. В ряде случаев русским приходилось даже сталкиваться с откровенной недоброжелательностью и враждебностью. По-видимому, это было связано с тем, что морские силы России не всегда и не всеми воспринимались исключительно как освободители Греции от турецкого ига. Подчас греки видели в них войска, которые своими военными действиями препятствовали ведению торговли - одного из основных источников обогащения греков, а также создавали дополнительные трудности для мирных жителей. Более того, греки, находившиеся на службе у турецкого правительства, едва ли могли видеть в россиянах своих союзников, а, занимая более высокое положение в греческом обществе, они в определенной степени могли оказывать влияние и на настроения простого населения. Капитан российского флота Степан Хметевский, принимавший участие в боевых действиях в Эгейском море в 1770-

³ Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. СПб., 1778. С. 118-119.

⁴ Там же. С. 131.

1774 гг., описывает, как российский флот задержал огромное количество различных торговых судов, перевозивших товары как из Турции, так и в Турцию. Причем среди этих судов было немало и греческих. Обычно, в таких случаях Россия конфисковывала товары и суда, отпуская лишь экипаж и судовладельцев, если последние не являлись турками или арабами. С греками же россияне поступали более благосклонно. Если товар принадлежал туркам, то, отпуская греков, русские моряки конфисковывали судно и товар. «Ежели товар хотя и греческий, а везут в турецкие места, то, взяв товары, отпускали греков с судами безденежно», – вспоминал Хметевский.⁵ Тем не менее опасности на морских путях, сопряженные с войной, а также подобные конфискации товаров не могли в определенной степени не сформировать негативное отношение к русскому флоту у части греков.

Военные действия русских войск нарушали и сложившийся мирный уклад жизни греческого населения Османской империи. Зачастую в ходе боевых действий страдали и мирные греческие жители. Нет ничего удивительного в том, что в ряде случаев греки оказывались на стороне турков, воюя против российских войск. Хметевский описывает, как при штурме одной из крепостей «греки, где есть оказия русского застрелить, случая не упускают, что я сам видел: по моему баркасу стреляли не одни турки, но были и греки».⁶

Возникшая у некоторых греков обида на действия русского флота в ходе боев с турками и, как следствие, общий негативный настрой по отношению к России, изживались нелегко. Иван Вешняков, предпринявший в 1804–1805 гг. путешествие в Иерусалим через греческие земли, так описывает произошедший с ним инцидент на острове Митилина в ноябре 1804 года:

Во время нашего в трактире обеда бывшие в оном два старика-грека узнали из разговоров наших, что мы россияне. Один из них, вынув из-за пояса маленький свой нож, сказал нам по-гречески: «Я замечаю, что вы русские, коих флот в войну с турками причинил много

⁵ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Спб., 1855. С. 67.

⁶ Там же. № 2. С. 129.

нашему острову разорения по случаю починки своих кораблей. И таких должно умертвить».⁷

Характерно, однако, что, едва спасшись бегством от подвыпивших греков, русские паломники не стали докладывать о случившемся турецкой администрации, чтобы не навлечь наказания на обидевших их греков.⁸

Данные примеры являются ярким свидетельством того, что определенная часть греческого населения в рассматриваемый период еще не до конца ощущала потребность борьбы с турецким игом, а следовательно, не могла рассматривать и Россию в качестве своего союзника в деле обретения национальной независимости. Гораздо важнее для этих представителей греческой народности было ощущение стабильности жизненного уклада, ради чего они готовы были даже мириться с турецким гнетом, к которому они, по-видимому, смогли в большей или меньшей мере приспособиться.

Утверждая свое военно-политическое влияние на территориях, населенных греками, русские неизбежно вынуждены были принимать участие и во внутривосточных схватках отдельных кланов греческой знати, боровшихся за власть. Со всей очевидностью это проявилось, например, во время создания Ионической республики, территория которой до этого находилась под контролем Франции. Капитан Владимир Броневский, посетивший различные части Средиземного моря в составе русского флота в 1805-1810 гг., вспоминает, что на острове Корфу, который являлся столицей Ионической республики, совершенно отчетливо обозначились враждовавшие между собой пророссийская и профранцузская партии, каждая из которых пыталась использовать противостояние морских держав в свою пользу. В то время, когда Корфу находился под контролем французов, последние «некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли, отнимая их по праву завоевания», а часть про-российски настроенных дворян даже выехала в Россию в поисках защиты. Когда же на острове утвердилось российское

⁷ Вешняков И.И. Путевые записки во Святыи Град Иерусалим и в окрестности оного в 1804 и 1805 год. М., 1813. С. 24.

⁸ Там же.

влияние, «вместе с французами и преданные им оставили свое отечество». Поэтому, делает вывод автор, «между дворянством осталось семя вражды, которое нескоро может быть истреблено, потому-то каждый

желающий найдет в Корфу свою партию».⁹ Последнее замечание автора заслуживает особого внимания, так как столкновение интересов отдельных группировок внутри Греции и их ориентация на различные наиболее сильные европейские державы того времени создавали очевидные предпосылки и возможности для усиления анти-русских настроений в Греции в последующем, особенно когда влияние России в регионе начнет ослабевать на фоне усиления роли других европейских держав.

Однако негативный настрой греков к русским встречался далеко не всегда и не везде. Во многом отношение формировалось под воздействием конкретных обстоятельств и характера контактов между двумя народами. При этом зачастую прагматические соображения играли далеко не последнюю роль.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Уже упоминавшийся выше Хметевский, например, описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 года послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан».¹⁰ Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, было более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Броневский описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими

⁹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 2. СПб., 1819. С. 100.

¹⁰ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. СПб., 1855. С. 63-64.

просили помочь избавиться от религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно характерное описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос:

Каждый турок-начальник селения требует подарок. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъяснил свое прошение. ...Я удивился, но имея в мысли внушения начальства – «сколько можно снисходительно обходиться с греками» – и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим), я дал мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели.¹¹

Во время турецкого ига православная вера для греков являла собой основу их единения. Во многих небольших деревушках священник был местным предводителем, который имел огромный авторитет у прихожан и оказывал большое влияние на их образ мышления и поведение. Церковь была и основой культурной жизни многих поселений, а во время турецких набегов православные монастыри оказывались последним убежищем для греческого населения. Поэтому помощь и покровительство, оказываемые русскими своим единоверцам, безусловно, располагали к ним греческое население. Русские военные описывают немало случаев, когда греки оповещали русских о приближении турков, оказывали им помощь продовольствием. Многие греки участвовали на стороне русских в борьбе с турками.

Однако даже если греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они нередко радовались успехам русских войск и поражениям турок. Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 году было получено известие о начале новых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого

¹¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб., 1819. С. 36. Также см.: С.48.

населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок».¹²

Когда в 1821 году в Греции началась революция, греки все в большей мере обращают взоры к России и видят в ее поддержке залог достижения успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков. Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, находившемся недалеко от Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: *если не поможет нам Россия, то мы греки все пропали*». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова, которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости».¹³

Впрочем, стоит отметить и значительную долю прагматизма, который был присущ отношению греков к русским. Несмотря на то что цели России и Греции в борьбе с турками зачастую совпадали, многие греки были отнюдь не прочь извлечь дополнительные выгоды из своих контактов с россиянами. При этом в полной мере проявлялись такие характерные качества греков, как предприимчивость, деловитость, а зачастую и хитрость. Греки выступали в роли продавцов тех товаров и услуг, которые были необходимы русским морякам и другим путешественникам. При этом выбор у россиян был весьма ограничен, а греки не особо стеснялись пополнить свой карман за счет единомышленников и союзников. Такие примеры встречаются практически во всех воспоминаниях военных. Хмелевский пишет, как в начале 1770-х годов греки, занимавшиеся торговлей в Средиземном море,

¹² Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. Спб., 1773. С. 69.

¹³ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

продавали свои товары русским по крайне высоким ценам: «Что из Ливорны привозят, съестное, питейное или платье и обувь, с нас берут барыша на копейку копейка, да еще за дешевое посчитается, а другое втрое».¹⁴ Броневский описывает подобную же ситуацию в начале 19 века, когда на уже упоминавшемся острове Имвросе, жители деревни, встретившие русские войска, «с радостью предложили, хотя и немногое, но все, что они имели». Когда же русские отказались брать что-либо бесплатно, «тут обнаружилась сметливость греков, кои за то, что прежде отдавали за 10 копеек, стали требовать рубль».¹⁵ Наконец, Бронников с некоторой обидой пишет, как уже во время освободительной революции на острове Ипсара русским паломникам «что нужно для нас было из провизии, почти насильно с пристани выдали, и то недостаточно и за дорогую цену, не уважив того, что мы российские подданные».¹⁶

Однако усиление роли России в средиземноморском регионе давало и немало преимуществ греческому населению. Это в особенности характерно проявилось после создания Ионической республики на островах Адриатического моря в 1800 г. Россия фактически не только способствовала созданию нового государственного образования, где органы власти формировались из греческого населения, но и добилась многих торговых и налоговых привилегий для греческих торговцев в Адриатике и Средиземноморье. Путешествовавший в 1806-1809 гг. с российским флотом дипломат Павел Свиньин вспоминает, что, «несмотря на военное состояние, коммерция их процветала более и более. Не только налогов никто не платил ..., но за все платилось им чистыми деньгами, и жители даже обогащались за счет российских войск».¹⁷ Неудивительно, что когда в 1807 году Ионическая Республика перешла под французский протекторат, «некоторые из

¹⁴ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. Спб., 1855. С. 82.

¹⁵ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Часть 3. Спб., 1819. С. 35.

¹⁶ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 196.

¹⁷ Свиньин П.П. Воспоминание на флоте. Ч. 1. Спб., 1818. С. 240-241.

республиканцев, в особенности чернь, привязанные к русским, чрезвычайно тужат об этой перемене».¹⁸ Последний факт, в частности, свидетельствует о том, что наиболее благожелательным отношением к России и русским было среди простых греков, в то время как политические и экономические элиты, то ли в силу полученного в Европе образования, то ли под влиянием их экономических интересов или каких-либо других причин, в большей мере были ориентированы на Запад.

Россия по мере возможности покровительствовала и развитию образования в Греции. Когда в 1771–1774 гг. часть островов Эгейского моря находилась под покровительством России, Екатерина II своим указом постановила учредить на острове Наксос училище для греческих детей. Однако после подписания Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией в 1774 году остров был возвращен Османской империи, и тогда «обучавшиеся были перевезены российским флотом в Санкт-Петербург, где восхищаются материнским Минервы призрением».¹⁹ Приблизительно в это же время начинается и целенаправленная политика России по привлечению греческих поселенцев в южные районы России, отвоеванные у Турции, где грекам предоставлялись различного рода льготы.

Внешняя политика России в регионе и благосклонное отношение россиян к грекам были продиктованы отнюдь не только симпатией к участи единоверцев, находившихся под турецким игом. Подобно тому, как в отношении греков к русским была изрядная доля прагматизма, так и главной целью России в регионе было не только и не столько освобождение греков, сколько усиление военно-политического влияния России в Черноморском и Средиземноморском бассейнах и укрепление южных рубежей Российской империи. При этом греки воспринимались как естественные союзники России, которые могли оказать помощь в достижении этих целей. Действительно, практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против

¹⁸ Алферов Н.Ф. Два письма русского путешественника. Вестник Европы. № 11. М., 1808. С. 126.

¹⁹ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 40, 72.

турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний о событиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно характерно отражающее мнение российских путешественников о греках:

Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска из них набранные ... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, Миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда ..., которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья.²⁰

Лексика, используемая русскими путешественниками в своих воспоминаниях не оставляет практически никакого сомнения в том, что усиление России в средиземноморском бассейне носило прежде всего экспансионистский характер и едва ли ставило главной целью освобождение Греции от турецкого ига или иного иностранного влияния. Так, например, описывая создание Ионической Республики, Броневский пишет о «покорении», а не освобождении островов.²¹ Русские путешественники недвусмысленно дают понять, что усиление России в Средиземноморье рассматривалось во многом как продолжение ее колониальной экспансии на юг. Не случайно в отношении греческих островов зачастую применялся термин «колонии», а о греках писалось едва ли не как о новых подданных Российской империи. Морской офицер Н.В.Коробка вспоминает, как «императрица Екатерина II, вскоре по восшествии своем на престол, желая иметь хоть малую колонию на Средиземном море, под видом уважения отечества Улисса и Телемаха, предлагала Венецианской республике за сей остров (Итака — Ф.Я.)

²⁰ Там же. С. 71-72.

²¹ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Часть 2. Спб., 1819. С. 100.

значительную сумму».²² Броневский, описывая Ионическую Республику, в частности остров Корфу, отзывается о ней скорее как о некой части Российской империи с особым статусом, нежели о независимом государстве: «Корфа по справедливости почитается столицей наших приобретений в Средиземном море. Она более походила на русскую колонию, нежели на греческий город – везде видишь и встречаешь русских. Жители привыкли к нашим обычаям, многие научились говорить по-русски, а мальчики даже пели русские песни».²³

Он же достаточно недвусмысленно пишет о тех интересах, которые преследовала Россия, распространяя свое влияние на Ионические острова. Условно цели России можно разделить на военно-политические и торговые. Во-первых, сильные позиции российского флота в Средиземном море позволяли России укрепить свое военное присутствие в регионе и статус великой морской державы: «Россия, почитаясь второй морской державой, имеет одно Черное море способное для плавания круглый год, Балтийское же открыто бывает только пять месяцев, имея же Корфу морские офицеры и 10000 матросов приобретают познания в чужих морях».²⁴ Во-вторых, военно-политическое влияние в регионе позволяло активно продвигать российские торговые интересы. Броневский отмечает, что в 1806-1807 гг. число российских торговых судов увеличилось почти в четыре раза. При этом «в Средиземном море российский флаг преуспевал над всеми прочими».²⁵ Характерно, что освобождение греков и других народов от турецкого ига трактуется русскими путешественниками как событие немаловажное, но не являющееся особой целью российских войск. Скорее оно просто было неизбежным следствием усиления России в регионе и определенного совпадения целей. «...Греки, обитающие в Морее, Албании и Архипелаге, ... мечтали о вольности. <...> Кротость

²² Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч.1. М., 1825-1826. С. 54.

²³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 2. Спб., 1819. С. 255.

²⁴ Там же. Ч. 1. Спб., 1818. С. 118.

²⁵ Там же.

правления, благость и праводушие нашего монарха соединяло в пользу нашу различные народы, и мы, будучи окружены тогда неприятелем, находили себя столь же безопасными, как бы и в самой Москве», – отмечал Броневский.²⁶

Благосклонность греков по отношению к русским, а также совпадавшие цели и интересы двух народов подчас приводили к искаженному представлению русских о настроениях греков. Многие российские путешественники заблуждались, наивно полагая, что греки сочли бы за благо, избавившись от турецкого гнета или иного иностранного влияния, стать подданными Российской империи. В этом отчасти проявились российские стереотипы имперского мышления, которое едва ли предполагало создание новых независимых государств-наций на территориях, на которые Россия распространяла свое влияние. Вот как, например, тот же Броневский описывал в 1807 году жителей Пелопоннеса:

Они также суровы, также любят вольность, оказывают уважение старцам, поют одни военные песни, не боятся опасностей и бессмертно умирают. Но что важнее, когда Магомет II (турецкий султан – Ф.Я.), счастливый завоеватель Константинополя, не осмеливался испытать своего счастья против сих храбрых республиканцев, они с вершин своих утесов наблюдают проплывающие мимо них российские корабли и нетерпеливо ожидают появления войск наших, дабы принять их как братьев и вольность свою повергнуть к стопам российского монарха.²⁷

Некоторые из русских путешественников даже выражали свое презрение по поводу, как они считали, раболепного отношения греков к русским. Так, описывая и восхваляя достижения и подвиги древних греков, Коробка на примере жителей Корфу считает, что ничего подобного в современной ему Греции уже встретить нельзя: «Я ищу их (героев, философов, художников и др. – Ф.Я.) и вижу одних *покорных слуг*, которые вольности своей доказать ничем не могут, разве только республиканским флагом, развевающимся на крепостях, на бастионах коих спокойно прохаживаются наши усатые

²⁶ Там же. С. 117–118.

²⁷ Там же. Часть 3. Спб., 1819. С. 4–5.

гренадеры».²⁸ Однако в такого рода оценке присутствует значительная доля субъективного отношения автора, считавшего себя представителем великой державы, покровительствовавшей Ионическим островам. Возможно, во взглядах Коробки присутствовало и неприятие идей республиканизма, в связи с чем он пытается всячески принизить любовь греков к свободе, символом которой был республиканский флаг, и представляет их благодарность и благожелательное отношение к помощи России в виде раболепия. Во взглядах автора отразилось и противоречие, которое стержневой нитью пройдет через политику России по отношению к Греции в последующие годы, в том числе и после обретения независимости: отвергая идеи революции и республиканизма, монархическая Россия вынуждена будет волея-неволей поддерживать именно подобные формы освободительной борьбы греков против турок.

Таким образом, общность религии и совпадение целей в борьбе с Османской империей являлись важными факторами, которые сближали русских и греков на протяжении нескольких десятилетий, предшествующих национально-освободительной революции. По мере того как идеи борьбы с турецким игом проникали в массы, Россия все в большей степени воспринималась как союзник греков в этой борьбе и даже в какой-то мере как покровитель угнетенных единоверцев. При этом, правда, в отношении к русским была и значительная доля прагматизма, что в немалой степени было связано с национальным характером греков и нормами поведения, выработанными за долгие годы правления османских султанов и помогавшие греческому населению избежать ассимиляции в неблагоприятных условиях турецкого ига.

²⁸ Коробка Н.В. Письма морского офицера. Ч. 1. М., 1825-1826. С. 42.